

БАТАЕВ ДЕНИС АНДРЕЕВИЧ,
ДИМИТРОВА КСЕНИЯ ЭДУАРДОВНА

СЛОЖНАЯ ПРОСТОТА РАССКАЗА А. ПЛАТОНОВА «СЕРЖАНТ ШАДРИН»

В статье рассматривается художественное своеобразие послевоенного рассказа А. Платонова «Сержант Шадрин» (1945 г.), предпринимается попытка по-новому взглянуть на жанровую природу произведения. Проведённый анализ позволяет увидеть в рассказе черты гимна и очерка, что значительно расширяет исследовательский потенциал художественного материала.

Ключевые слова: Андрей Платонов, военная проза, военная литература, метарассказ.

Keywords: Andrei Platonov, military prose, military literature, meta-narrative.

Рассказ А. Платонова «Сержант Шадрин» является одним из первых послевоенных произведений автора. Он создан в эпоху, когда советская литература должна была осмыслить опыт войны, должна была «мирными глазами» взглянуть на судьбу своего народа и пережитый им ужас. Именно в это время в 18 выпуске газеты «Красноармеец» за 1945 год впервые выходит малозаметный ныне рассказ «Сержант Шадрин» [3].

Обложка журнала «Красноармеец» (№ 18 за 1945 год), в котором впервые был опубликован рассказ А. П. Платонова «Сержант Шадрин».

Художественный мир рассказа не отличается тем, что принято называть «своеобразием» или «особенностями», за ним трудно увидеть и само авторство советско-христианского экзистенциалиста Платонова. В центре этого мира — Александр Максимович Шадрин, «средний из сотен тысяч таких же прекрасных молодых наших воинов» [здесь и далее цит. по: 2], взращённый в труде и саму войну принявший «как высший и самый необходимый труд». Основное повествование движется пунктирно, крупным шагом вслед за героем — от учебного батальона под Старой Руссой (близ Великого Новгорода), где он начал свою службу в 1941 году, до последнего сражения войны на р. Эльбе 7 мая 1945 года. Примечательно, что две субъектные сферы в произведении (сферы повествователя и героя) практически однозвучны. Они

активно задействованы в представлении диктумного плана (первому по большей части «принадлежат» информативные композитивы, второму — сцены и логические блоки), но их голоса сливаются в один. Именно на глазах героя «зло мира обращается в руины», но то же видят и автор, и тысячи других солдат — и все наполнены единым ощущением великого подвига. Таким образом, повествовательное «мы» локализуется уже в реальном мире, выходя за пределы художественного: мы — это поколение советских людей, переживших войну. Здесь однозначен пафос: война представляется как трагедия, преодолеваемая героическими усилиями, и действия каждого «труженика» Победы мыслятся как действия героя.

Итак, перед нами произведение, фиксирующее психологию большого события. Это проявляется не только в предельной обобщённости субъектных сфер и крупном шаге повествования, но и в характере референтов: в рассказе много стилистически возвышенных номинаций, часто абстрактных («жизненный труд», «высший труд», «подвиг», «Родина и человечество», «живая сила зла» и др.). Большое событие рассматривается с общего, обобщённого ракурса, что определяет и характер эмоций: это не тонкие психологические нюансы, а «звучание» единого народного голоса. Такие крупные патетичные мазки сближают поэтику рассказа с поэтикой произведений-гимнов (ср. поэму «Человек» М. Горького). С другой стороны, рассказ имеет особенности, которые позволяют сравнить его с очерком. Таковыми являются особая композиция рассказа и его положение в историко-литературном процессе.

Рассказ имеет два пролога: в первом (абзацы 1–2, назовём его литературным) сопоставляется литература XIX и XX столетий, во втором же (абзацы 3–4, обозначим его как нарративный) происходит непосредственная интродукция основного повествования. Тема литературного пролога — советский молодой человек эпохи Великой Отечественной войны. Говоря об образах молодых людей, создаваемых литературой каждого времени, А. Платонов актуализует необходимость зафиксировать тип человека, чья молодость пришлось на страшнейшую войну в истории. Не только литературный пролог, но и подзаголовки рассказа («История русского молодого человека нашего времени») указывают на то, что историю Шадрина следует рассматривать в непосредственной связи с задачей описать человека своего времени. Таким образом, весь рассказ может быть прочитан как очерк на тему конкретного историко-литературного вопроса. Художественный мир произведения в таком случае предстаёт неким указателем основных образов и мотивов, разработка которых, на взгляд А. Платонова, должна лечь в основу послевоенной прозы о поколении войны.

При рассмотрении этих образов и мотивов важно учитывать, что рассказ напрямую связан, перекликается с военной периодикой писателя — на формальном уровне

это ярче всего проявляется в почти дословном повторении сцены с женщиной на кладбище (см. таблицу).

Таблица. Сопоставление сцен на кладбище¹.

«Сержант Шадрин», 1945 г.	«На могилах русских солдат», 1944 г.
Шадрин в сумерки проходил мимо этого кладбища. Он увидел там тогда одинокую пожилую женщину. <i>Женщина опустилась на колени возле одной могилы.</i> Сначала женщина была безмолвной, а потом она стала петь колыбельную песню своему сыну, спящему здесь, на грядущую вечную ночь.	В сумерки на пустынное военное кладбище бывшего шта-лагеря № 352 пришла <i>одинокая женщина.</i> Она опустилась на колени возле могилы, на которой была доска с именами погребённых... [здесь и далее цит. по: 1]
Шадрин не знал, как нужно было утешить эту женщину-мать и можно ли было её утешить в этот час. Но он знал, как можно утешить нашу общую Мать Родину. Он знал и чувствовал, что <i>ненависть к противнику питается любовью к своему народу</i> , а образ народа явился перед ним и в лице этой женщины, склонившейся над прахом своего сына.	Трудно утешить эту женщину и нашу общую мать — Родину. Но наша любовь к своему живому народу и наша память о мёртвых и замученных обращена яростью и мщением к убийце-врагу, она действует огнём и оружием. Наша <i>ненависть к противнику питается нашей любовью к своему народу</i> , и поэтому наша энергия мщения неистощима.

Примечательно, что в послевоенном рассказе отсутствует мотив мщения, а сама сцена описана с больше трагичным, чем «яростным» чувством (народ в образе горящей матери, «колыбельная песня» и «грядущая вечная ночь» вместо «ярости и мщения», «огня и оружия»).

Сопоставление военного и послевоенного времени актуализуется не только при сравнении рассказа с другим текстом, но и при имманентном анализе его поэтики. Так, произведение

позволяет ответить на вопросы о том, что помогло советскому человеку пройти через войну и что должно сопровождать его при входе в «новый» мир. В центре этих вопросов находится советский человек, в частности солдат, пронёсший Победу на своих плечах. Пройденный им путь — это страшнейшая война, это всякая мать на могиле сына, это страна, так же оплакивающая свои утраты. Впереди же у этого человека мир, пытающийся «вспомнить» о мирной жизни. Впереди необходимость осмыслить пережитое, восстановить разрушенное и остаться человеческими. Проводником же между миром «до» и «после» становится формула «жизненный труд и подвиг»: именно к идее труда обращена система производства. Поколение Шадрина было воспитано в учении о нераздельности личных и общественных сфер — труда, ответственности, долга. Великая Отечественная война и проверила, и подтвердила эти принципы, потребовав от людей «высшей формы» труда — подвига. Точно так же и послевоенный мир может быть отстроен и сбережён лишь объединяющим, охраняющим мирное небо трудом — «на хлебной ли ниве, в мастерской завода или в солдатском строю».

Тем самым А. Платонов представляет свой взгляд на то, каким должен предстать советский человек эпохи Второй мировой войны, какие образы и ракурсы должны сопровождать произведения о новом герое времени. Небольшой рассказ «Сержант Шадрин» объединяет в себе черты гимна поколения (отвечающего на запрос в сиюминутном отклике на долгожданную Победу) и литературно-исторического очерка (можно сказать, метарассказа, предлагающего структуру последующих произведений).

Список использованных источников

1. Платонов, А. П. *На могилах русских солдат* // Платонов А. П. *Смерти нет! Рассказы и публицистика 1941–1945 годов* / сост., подгот. текста, коммент. Н. В. Корниенко. — Москва, 2012. — С. 323–330.
2. Платонов, А. П. *Сержант Шадрин* // Платонов А. П. *Смерти нет! Рассказы и публицистика 1941–1945 годов* / сост., подготовка текста, коммент. Н. В. Корниенко. — Москва, 2012. — С. 403–409.
3. *Произведения А. П. Платонова, опубликованные на русском языке* // Андрей Платонович Платонов. *Жизнь и творчество: биобиблиогр. указ. произв. писателя на рус. яз., опубли. в 1918 – янв. 2000 г. : лит. о жизни и творчестве* / РГБ ; сост.-ред. В. П. Зарайский. — Москва, 2001. — С. 20–117.

Фотография предоставлена авторами.
Материал поступил в редакцию 18.02.2023.

Сведения об авторах:

Батаев Денис Андреевич, студент направления «Филология» (преподавание русского языка и литературы) — Школы региональных международных исследований Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактные данные: e-mail: andy.wein@mail.ru; тел. 8-924-264-15-01.

Димитрова Ксения Эдуардовна, студентка направления «Филология» (преподавание русского языка и литературы) — Школы региональных международных исследований Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактные данные: e-mail: Xseniaxseniaaa@gmail.com; тел. 8-924-230-29-62.

Научный руководитель: Яроцкая Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Восточного института — Школы региональных международных исследований Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

Контактные данные: e-mail: ulita6@yandex.ru; тел. 8-924-233-20-37.

¹ В приводимых цитатах нами выделены курсивом перекликающиеся моменты, а полужирным начертанием — кульминации, утверждающие пафос эпизода. — Д. Б., К. Д.